

Луговцова С. Л. «Заговор Конарского» и его участники: Ян Былевский / С. Л. Луговцова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 6 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2011. — С. 153–164.

С. Л. ЛУГОВЦОВА

«ЗАГОВОР КОНАРСКОГО» И ЕГО УЧАСТНИКИ: ЯН БЫЛЕВСКИЙ

В 1835 г. в Кракове Ш. Конарским, А. Залеским, А. Янушкевичем и другими польскими эмигрантами была создана тайная демократическая организация «Содружество польского народа», девизом которой была избрана фраза: «Все для народа силою народа». Главные цели организации заключались в следующем: готовить освобождение Польши от российского господства, призывать поляков к «преобразованию народного духа и нравов» (т. е. ликвидации крепостничества, установлению демократических свобод); стремиться к объединению с обществами других народов Европы, поддерживающих тот же образ мыслей [3, л. 372—374]. В Кракове был составлен устав общества. Организаторы приступили к пропагандистской работе, в том числе Ш. Конарский принял на себя обязанность распространять идеи общества в пределах Российской империи. В конце 1835 г. он тайно перешел границу империи, с помощью гродненского шляхтича Ежи Брынка познакомился с Игнатием Родзевичем, в имении которого и остановился. Таким образом, его постоянным местопребыванием стал глухой угол Полесья имение Лысово (ныне Маневицкий район Волынской области). Конарский скрывался на Волыни под именами Лоевского, Дунина, Хоревича, Чулянчика, Немравы*.

Ш. Конарский принадлежал к тому поколению польских патриотов, которое мучительно переосмысливало итоги восстания 1830—1831 гг., анализировало причины поражения и пыталось исправить собственные ошибки и ошибки своих предшественников. Демократическое крыло польской эмиграции пришло к пониманию следующих принципиальных вещей. Во-первых, необходимости действовать против российского господства вместе с крестьянами, для чего надо было освободиться от господства над ними, сделать их равными себе гражданами. Во-вторых, объединить свои усилия со всеми народами (прежде

* Именем Януша Немравы был подписан устав «Содружества польского народа».

Лугаўцова Святлана Леанідаўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук

всего русским и еврейским), проживавшими на территории бывшей Речи Посполитой. Конарский был последовательным революционером, взгляды которого по своей решительности и законченности опережали время. Наиболее выпукло они представлены в работе «Переходное состояние и окончательное устройство общества». Автор считал, что освобожденное от чужеземного господства Отечество должно быть устроено «согласно принципам религиозного, политического, гражданского и социального равенства» [2, с. 412]. Во время кровавой войны за независимость и свободу социальные различия должны были быть уничтожены, а имущество частных лиц войти в государственную казну. Конарский считал, что в новой освобожденной Польше демократические формы государственной власти станут средством сохранения завоеванной свободы. Однако для создания таких демократических форм необходимо преодолеть период переходного состояния. Члены союза, которые «одержат триумф в дни справедливого бунта», должны захватить власть и не выпускать ее из рук до тех пор, пока не покончат с внутренними и внешними врагами. Столь далекую от демократических форм узурпацию власти он оправдывал «темнотой масс, подавленных долгой неволей, и величием цели» [2, с. 416].

На протяжении 1836—1838 гг. Ш. Конарскому удалось привлечь в «Содружество польского народа» на территории Российской империи более 200 человек. Производит впечатление масштаб территории, охваченной подпольной деятельностью. Тайные общества были обнаружены в Дерптском, Виленском, Киевском университетах, в Волынской, Подольской, Минской и Гродненской губерниях, а также в городах Вильно и Одесса [1]. Кроме того, в письмах Конарского к патриарху польской эмиграции И. Лелевелю есть указания на то, что он дважды ездил в Петербург, где установил связи в армии, и надеялся, что со временем эти связи станут еще теснее [9, с. 214].

В мае 1838 г. после ареста Ш. Конарского в Вильно была создана особая комиссия под председательством вице-губернатора А. И. Трубецкого для поиска его сообщников. В результате работы следственной машины Российской империи 21 июня 1838 г. был арестован управляющий имением

Рафаловка, принадлежащим графине Олизар и расположенным в Луцком уезде Волынской губернии, Ян (сын Мауриция) Былевский [3, л. 388—389 об.]. Уроженцу Минской губернии Я. Былевскому на момент ареста было 38 лет. Он был дворянином римско-католического вероисповедания, недвижимого имущества в собственности не имел, к следствию и суду не привлекался. В браке с Анастасией Со-

коловской имел 3 детей. Показания в Виленской следственной комиссии давал на польском языке. Видимо, русским языком совсем не владел, так как не только общался с членами следственной комиссии с помощью переводчика, но и подписывался на всех документах также только по-польски [4, л. 46—65 об.]. В ходе следствия выяснилось, что российскому императору Николаю I Ян Былевский не присягал. Он объяснил это тем, что в 1825 г. как раз переехал из Минской в Волынскую губернию, где проживал далеко от города, практически не был ни с кем знаком, и никто присяги от него не потребовал. В 1826 г. Былевский ездил по делам управляемого им имения в Луцк и в земском суде заявил об этом упущении. Луцкий земский исправник ответил ему, что в отдельной присяге нет надобности, так как ранее ни в чем предосудительном он замечен не был [4, л. 64].

Членов Виленской следственной комиссии интересовало, являлся ли Ян Былевский участником «Содружества польского народа», и если являлся, то чем конкретно занимался. В ходе следствия выяснилось, что тайное общество появилось в Мозырском уезде еще в 1833 г., задолго до начала деятельности Ш. Конарского в крае. Организовано оно было эmissаром* Домиником Булевским, уроженцем Пинского уезда Минской губернии [4, л. 142]. Д. Булевский был представителем так называемого аристократического крыла польской эмиграции, лидером которого являлся князь Адам Чарторыйский. В противовес демократическому крылу, представители которого считали, что возрождение Польши возможно только на основе серьезных социальноэкономических преобразований, сторонники взглядов А. Чарторыйского считали своей целью подготовку нового вооруженного восстания для восстановления независимости Речи Посполитой и установления конституционно-монархического правления в крае [3, л. 388—389 об.]. Под нажимом неопровержимых доказательств, представленных следственной комиссией, Ян Былевский изложил следующую версию своего знакомства с Домиником Булевским.

В 1833 г. по просьбе своего друга пинского дворянина Яна Высоцкого Былевский принял в своем доме трех польских офицеров: Енджеевского, Осмяловского и Каминского. Офицеры сумели совершить побег из-под стражи в г. Минске, где находились под арестом за участие в

* Эmissар (от *lat.* *emissarius* — посланец) — специальный представитель государства или политической организации, направляемый в другую страну для выполнения различных поручений (преимущественно секретных).

восстании 1830—1831 гг. Ян Былевский помог им уйти за границу Российской империи, по его словам, исключительно «из человеколюбия». Эта история имела продолжение. В мае 1833 г. по рекомендации одного из офицеров к Былевскому прибыл эmissар Доминик Булевский. Узнав о желании эmissара добраться в Минск и Вильно, Былевский отвез его за 20 миль в имение Ракитино к Яну Высоцкому, с которым эmissар и совершил свои поездки. Позднее, не сумев пробраться в Мозырский и Пинский уезды, Булевский поручил Былевскому образовать в них общества по следующим правилам: «распространять дух польской национальности, запасать деньги и оружие и таким образом в случае необходимости быть готовыми присоединиться к восстанию». В каждом уезде полагалось иметь секретаря, а также обязательно поддерживать связь с Вильно. Ян Былевский пытался убедить следственную комиссию, что эmissар знал, что из его затеи ничего не выйдет, а использовал создание общества в качестве предлога для сбора денег, на которые собирался бежать из Австрийской империи во Францию.

Следственная комиссия не поверила уверениям Яна Былевского. Тем более что было доказано следующее. Подследственный находился в дальнем родстве с Д. Булевским. Они были знакомы еще до восстания 1830—1831 гг., после участия в котором Доминик вынужден был эмигрировать за границу. После своего тайного визита в 1833 г. в границы Российской империи Булевский вернулся в Галицию. Былевский, в свою очередь, поехал в Мозырь, где неоднократно встречался со шляхтичами Я. Рудзиевским, Н. Еленским, ксендзом П. Грабовским и вел с ними разговоры о создании тайного общества на тех основаниях, которые поддерживало аристократическое крыло польской эмиграции. В результате соответствующее общество было создано, а названные лица принесли присягу на верность его идеям. Петр Грабовский был избран секретарем. В целях конспирации члены общества приняли условленные имена, в частности, сам Былевский назвал себя Самсоновским [5, л. 91—93]. Следственная комиссия подозревала, что в Мозырском уезде среди местных дворян разыгрывались домашние лотереи в пользу созданного общества. Хотя точных подтверждений этому предположению обнаружено не было [4, л. 109—112]. Необходимо отметить, что общество, созданное по инициативе Д. Булевского, как организационная структура просуществовало

недолго. Во всяком случае один из наиболее активных участников «заговора Конарского» Каспер Мышковский в своих воспоминаниях утверждает, что уже в начале 1834 г. общества не существовало [7, с. 487]. Скорее всего, это было связано с арестом его осно-

вателя (о чем речь пойдет далее), но ликвидация общества не означала разрыва личных дружеских отношений между его участниками.

По утверждению Я. Былевского, дальнейшие контакты с представителями польской эмиграции были обусловлены исключительно его страхом, что Д. Булевский разоблачит перед российскими властями факт его помощи беглым офицерам в 1833 г. Якобы, находясь в связях с одним эмиссаром, он не имел возможности далее отказать другому эмиссару — Нарциссу Коперницкому *, присланному к нему от Булевского в декабре 1833 г.

Как и ранее Булевскому, Коперницкому он помог добраться до Минска и Вильно. Кроме того, Коперницкий передал Былевскому «возмутительные книги», содержащие призывы к возрождению Речи Посполитой. Следственная комиссия под председательством вице-губернатора А. И. Трубецкого, подводя итоги по делу Я. Былевского, особенно ставила ему в вину распространение этих книг. Было установлено, что Былевский передал книги Петру Грабовскому, получил от него деньги и, добавив свои, отправил Булевскому через Коперницкого [5, л. 91—93]. Также он помог Коперницкому переправиться за границу, где последний вместе с Булевским впоследствии были арестованы австрийскими властями [4, л. 11].

На этом контакты Я. Былевского с представителями польской эмиграции не закончились. В начале 1834 г. Булевский прислал к Яну Былевскому своего 15-летнего сына Людовика. Последний имел письмо от отца, в котором тот просил доставить письма его сестрам. Одна из них проживала в Минске, у содержательницы женского пансиона г-жи Гранд, а другая — где-то в имении под Минском. Былевский отдал письма Францу Терлецкому. Последний привез ответы от сестер, а также 20 рублей серебром в качестве материальной помощи скрывавшемуся за границей брату, но сына Булевского уже не застал. Дело в том, что отец, не дождавшись его в условленное время, прислал за Людовиком Какую-то женщину на наемных лошадях. Так как сын Булевского ответа от родственниц не дождался, то Былевский дал ему 16 рублей из собственных денег, что было оценено следственной комиссией как помощь бежавшему преступнику [4, л. 57]. Через несколько недель Булевский вновь прислал сына за деньгами, но Ян Былевский был серьезно болен и не смог его увидеть [4, л. 11].

* В ходе следствия выяснилось, что Нарцисс Коперницкий родом из Речицкого уезда Минской губернии [4, л. 129].

В начале апреля 1836 г. к Яну Былевскому в арендованное имение Бутейки Ровенского уезда Волынской губернии приехал его старый знакомый уроженец Пинского уезда Минской губернии Игнатий Родзевич с Ш. Конарским под именем Викентия Дунина. Они объявили, что прибыли в целях создания общества под названием «Содружество польского народа». Заявили следующие цели, с которыми оно создавалось: вести себя честно, нравственно, презирать излишества, приобретать доверие крестьян. Однако, по словам Былевского, он отказался принимать в этом участие и даже укорял Родзевича за то, что последний, содействуя заезжему эмиссару, может сделать «всем худо» [4, л. 53—54]. По заверениям Яна Былевского, он был убежден, что проект, предлагаемый автором «Содружества польского народа», по построению некоего высоконравственного общества, в котором помещики и крестьяне доверяют друг другу, был утопическим и «мог быть приведен к исполнению через каких-нибудь сто лет» [4, л. 64 об.]. Обратим внимание на два момента в объяснениях Яна Былевского. Несмотря на то что он всеми силами пытался доказать следователям, что никак не разделял взгляды Конарского и его ближайшего сподвижника Родзевича, «между строк» читаются следующие вещи. Во-первых, его никак не смутила сама идея тайного общества, имевшего антиправительственную направленность. Во-вторых, он явно боялся, что Родзевич своими разговорами и разъездами только выдаст неких «всех», которые, видимо, также имели антиправительственные взгляды.

Как показали дальнейшие события, опасения Былевского не были беспочвенными. К. Мышковский вспоминал, что частые разъезды Ш. Конарского не приносили никакой пользы, а только делали пребывание его в крае более гласным. Кроме того, Конарский, приехав, например, из Литвы (под Литвою понимаются земли бывшего Великого княжества Литовского. — С. Л.) на Волынь, заявлял, что именно в Литве дела «Содружества» идут особенно хорошо. То же самое он говорил, возвращаясь в Литву, про Волынь. Таким образом он хотел приободрить членов тайного общества, а также привлечь к участию в нем как можно больше людей. Несмотря на то что в «Содружестве польского народа» правила конспирации теоретически были очень хорошо разработаны, Конарский легко пренебрегал ими и легко «имена лиц и их отношения

верял всякому» [7, с. 505]. В результате члены обществ, расположенных не только в разных уездах, но и в удаленных губерниях, многое знали друг о друге, что значительно облегчило работу следователей после ареста Конарского. Последний в целом был натурой не только деятельной, но

и беспокойной, неуравновешенной. Даже в тех случаях, когда Конарскому не удавалось перемещаться по территории Российской империи, он регулярно рассылал членам общества письма по так называемой коммуникационной линии с помощью шляхтичей Ржонжевских, Уминского, Фелинской, Бопре, Пинского, Михальских и других. Причем письма были в основном пустые! Без содержания. Конарский считал, что таким образом он не только напоминает о себе, но и подталкивает товарищей к активным действиям. Все это, конечно, не могло принести реальной пользы, а лишь создавало «ненужное движение» [7, с. 506].

Вернемся к истории взаимоотношений Я. Былевского с Ш. Конарским и И. Родзевичем. Вернее, к той ее версии, которая была изложена самим подследственным. В октябре 1836 г. Родзевич с так называемым Дуниным приехали к Былевскому в гости еще раз. Вновь активно уговаривали присоединиться к тайному обществу, и Былевский не смог сопротивляться их напору, в особенности уговорам Родзевича, которому «был обязан за многие добрые дела» [4, л. 55]. На первых допросах Былевский заявлял, что, кроме Дунина и Родзевича, он ни с кем из членов общества знаком не был. При нем упоминали о неких Михальском и Брынке, но, принадлежали ли они к обществу, он не знал. При вступлении в «Содружество польского народа» Ян Былевский внес 6 рублей серебром. Ему предлагали звание секретаря в Луцком уезде, дали форму присяги и обещали снабдить правилами, которые он так и не получил. Былевский утверждал, что не был знаком со способами тайной переписки в обществе. На вопрос о том, где был взят найденный в его доме клочок бумаги с ключом к тайной переписке, отвечал, что становой пристав Сидоренко, делая обыск, залезал во все мужские и женские сундуки и любые бумажки складывал в одну кучу. Поэтому определить, где именно была найдена записка и чьим почерком она написана, не представлялось возможным. Былевский также отрицал, что знает что-либо о Киевском, Варшавском и Виленском отделениях «Содружества польского народа» [4, л. 57].

На самом деле Я. Былевский был хорошо знаком и с членами обществ на территории других губерний, и с тайными способами переписки, распространенными между ними. Для тайной переписки членами общества использовались три способа: 1) специальным экстрактом, который получали с помощью табачного дыма; 2) крахмалом (слова читались с помощью йода); 3) особым составом, когда одна из специально приготовленных жидкостей (синего цвета) использовалась для письма, а другая (зеленого цвета) — выводила написанное.

Для обозначения каждого вида скрытых записей в письме ставились особые знаки [3, л. 373 об. — 374].

Что касается нашего утверждения, что Я. Былевский знал о членах обществ из других губерний, то оно основывается на свидетельствах участников событий. Эдвард Павлович среди «важных лиц, которые помогали Конарскому в Литве», называет Антония Ожешко, Яна Былевского, Томаша Булгака, Людвигу Орду, Франтишка Терлецкого и Наполеона Еленского [12, с. 99].

Обратимся к воспоминаниям волынского шляхтича К. Мышковского. В его рукописи, написанной в заключении, большое внимание привлекает эпизод, в котором рассказывается о действиях заговорщиков сразу после ареста Ш. Конарского. Необходимо отметить, что организатор «Содружества польского народа» не предусмотрел, каким образом члены общества должны будут координировать свою деятельность в случае его бегства за границу, ареста или гибели. Члены тайного общества, входившего в «Содружество» на территории Волынской губернии, узнали об аресте Конарского от местного губернатора в Житомире 5 июня. Причем из слов губернатора следовало, что Конарского с Родзевичем задержали на почтовой станции под Минском еще 12 мая *. Сразу же из Житомира к секретарю кременецкого общества А. Бопре был отправлен Генрих Кордашевский. Бопре дал Кордашевскому на дорогу 33 рубля серебром и отправил к «соседу Родзевича Былевскому, дабы тот доставил верные сведения» [7, с. 523]. Позволим себе длинную цитату из воспоминаний Мышковского, которая многое проясняет: «Между тем в Кременце Фелинская получила письмо от Былевского от 7 июня, что г. советник Богданович был в Лисове, делал исследование (обыск. — С. Л.), что нашел только сочинение Вротновского и уехал, что послана эстафета к Конарскому и Родзевичу с тем, что если захватят их в Вильно, то предупредить их арест, как между тем они уже были задержаны, и появление Богдановича было следствием их поимки» [7, с. 523—524]. Только в конце июня Ева Фелинская получила письмо от Е. Бринка из Литвы от 17 июня, что Конарский и Родзевич захвачены в Вильно. Таким образом, заговорщики в Житомире узнали об аресте Конарского только через месяц. Фактически первый, к кому они обратились в поисках правдивой информации, был Ян Былевский. Более того, мы узнаем, что после ареста последнего его жене члены общества передали 125 рублей [7, с. 524].

* На самом деле арест произошел 27 мая.

Членов следственной комиссии особенно интересовал вопрос о том, насколько активно сам Былевский и другие члены общества финансово участвовали в его жизнедеятельности. Следователи тщательно проанализировали изъятые в ходе обыска приходно-расходные книги обвиняемого [4, л. 38—45 об.]. В первую очередь их привлекли суммы, которые были переданы Яном Былевским Игнатию Родзевичу, а также кобринскому становому приставу. Законом 1837 г. в Российской империи было усложнено устройство земской полиции. Начальник уездной полиции — исправник — действовал, как и ранее, но каждый уезд был разделен на станы, во главе которых был поставлен становой пристав. Кобринский становой пристав подозревался в получении взятки. Надо отметить, что Былевский отвечал на соответствующие вопросы следователей довольно невнятно. Родзевичу он возвращал деньги, якобы за купленную у него сеть, а также за Юлию Скальковскую, которая раньше одалживала у Игнатия. Объяснял, что не помнит, по какому поводу давал деньги приставу. Возможно, возвращал долг [4, л. 56—57 об.].

Уже в ходе допросов Я. Былевский принес «самое чистосердечное сознание» и раскаяние в своих преступлениях [4, л. 64]. Утверждал, что никогда и ничего не замыслил против российского государя и правительства. Уверял, что первое преступление (помощь в побеге за границу трем польским офицерам) совершил только из чувства сострадания и любви к ближнему, что также дал бы приют пленным русским офицерам, если бы они бежали от поляков. Объяснял, что последующие преступления были связаны с влиянием Д. Булевского. Последний постоянно призывал к его шляхетской чести, что не позволило Былевскому донести на своего дальнего родственника российским властям [4, л. 64 об.]. Что же касается участия в деятельности «Содружества польского народа», то Ян Былевский подчеркивал, что вступил в него только под давлением Родзевича и в дальнейшем «избегал общества, чтобы не отвлекаться от дел для прокормления своего семейства» [4, л. 64 об.]. Тут следует отметить, что «прокормление семейства» действительно было главной задачей в жизни Былевского. Из восьми детей, рожденных в браке с Анастасией Скальковской, пятеро умерли в детстве от различных заболеваний. Наиболее тяжело отец перенес смерть своего старшего и любимого сына, который умер в 12-летнем возрасте. Этот мальчик, кроме нежного характера, отличался с раннего детства большими способностями к изучению иностранных языков. К своим 12 годам он мог свободно объясняться, кроме польского и русского, на французском, немецком, английском и латинском языках. Каждый раз, вспо-

миная о нем, отец не мог удержаться от слез. Ян Былевский просил членов следственной комиссии ходатайствовать о его помиловании или уменьшении наказания, так как он «оставил беременную жену с тремя маленькими детьми на руках на чужбине без средств существования» [4, л. 65—65 об.].

Все лица, причастные к так называемому «заговору Конарского», в зависимости от «степени их вины» были разделены на пять разрядов государственных преступников. Имена всех лиц, участвовавших в заговоре, подлежали конфискации [8, № 12697а, 19964]. К первому разряду был причислен сам Шимон Конарский, которого по приговору суда расстреляли в Вильно. Ян Былевский в соответствии с приговором был отнесен ко 2-му разряду государственных преступников. Его лишили дворянских прав и приговорили к ссылке на каторжные работы в Сибирь с конфискацией имущества. Учитывая чистосердечное раскаяние Былевского, содействие работе Виленской следственной комиссии, его участь была облегчена: 23 марта 1839 г. он был сослан на поселение (место каторги) с лишением всех прав дворянского сословия и конфискацией имущества [6, л. 5]. Сохранились свидетельства, что председатель Киевской следственной комиссии киевский военный губернатор, а также подольский и волынский генерал-губернатор Д. Г. Бибилов взимал огромные суммы с членов семей заключенных за то, чтобы их близких не отправили на работы в рудники [11, с. 368]. Однако об аналогичных нарушениях в работе Виленской следственной комиссии нам ничего неизвестно. Кроме того, семья Былевского находилась в тяжелейшем материальном положении, а его беременная жена сама нуждалась в помощи, поэтому нет оснований предполагать, что он сумел подкупить кого-либо из членов комиссии.

Судьба тех, кто был приговорен к различным срокам каторги, тюремного заключения и ссылке, была очень тяжелой. Местом сбора для ссыльных в 1839 г. был Тобольск. До Тобольска их везли, а из Тобольска они шли пешком до Нерчинска, причем шли в кандалах, которыми были окованы ноги и руки. Самым тяжелым испытанием для ссыльных оказались не голод и холод, а необходимость находиться вместе с уголовными преступниками: убийцами, насильниками, разбойниками. В Тобольске участники «заговора Конарского» подали прошение военному губернатору с просьбой избавить их от совместного путешествия с уголовниками. В этом вопросе им помогло отношение к участникам «Содружества польского народа» как к важнейшим государственным преступникам. Не разрешалось приближаться к ним, разговаривать с ними,

жертвовать им помощь. Губернатор воспользовался существовавшим распоряжением и велел этапировать участников тайных обществ изолированно от уголовников [11, с. 368].

К началу XIX в. в Забайкалье сложилась система тюрем, рудников, заводов и других хозяйственных объектов, принадлежавших Кабинету Его Императорского Величества и управлявшихся Горным департаментом. Каторжане использовались для разработки месторождений, на литейных, винокуренных, соляных заводах, на строительстве и хозяйственных работах. Если после поражения восстания под руководством Т. Костюшко основным наказанием для конфедератов была солдатская служба в полках приграничных корпусов, то участники «заговора Конарского» в первую очередь направлялись на работы в нерчинские рудники. Часть из них была отправлена на 120 верст далее в Акатуй. Серебро-свинцовый рудник в забайкальском селе Акатуй был открыт еще в 1815 г., а с 1832 г. по 1917 г. там же находилась Акатуйская каторжная тюрьма. Положение каторжан было очень тяжелым. Они подвергались оскорблениям и избиению. При этом не имели права жаловаться. Были полностью зависимы от капризов начальников. Тем не менее им было легче, чем первым политическим ссыльным с территории Речи Посполитой, которые попали в Забайкалье в конце XVIII в. Участники «Содружества польского народа» влились в местное «польское» сообщество. У них была налажена касса взаимопомощи, в которую каждый вносил определенный процент из денег или вещей, присланных ему из дома. Большой вклад в эту кассу внесли шляхтянки, сочувствовавшие участникам тайных обществ: Роза Собьянская, Ксаверия Грошульская, Соломея Раковская и другие. Получать помощь из кассы могли люди бедные, не имевшие никаких собственных средств. Большую роль в жизни ссыльных сыграл приезд их жен, которые решили разделить судьбу своих мужей. Их дома стали своеобразными центрами культурной жизни, где совместно отмечали религиозные праздники, собирались по самым различным поводам. На таких собраниях обсуждали проблемы ссыльных, проводили товарищеские суды [11, с. 368—369].

Жизнь поселенцев была значительно легче, так как они были освобождены от работ на государство и могли работать на себя. Хотя они также не имели никаких прав, могли быть в любой момент избиты и наказаны как преступники. Поселенцы не имели права вступать в переписку, самостоятельно совершать покупки, владеть имуществом. В основном они занимались разведением местных пород скота и выращиванием зерновых культур (пшеницы) [11, с. 368—369].

К сожалению, судьба Я. Былевского во время его проживания в ссылке нам неизвестна, хотя о многих других участниках «заговора Конарского» сохранились воспоминания их товарищей по несчастью. Объясняется ли это его ранней гибелью на суровом пути в ссылку или тем, что бывшие члены «Содружества польского народа» прекратили общение с Былевским за его сотрудничество с властями в ходе следствия? Пока у нас нет ответа на этот вопрос. Возможно, дальнейшее историческое расследование раскроет нам судьбу Яна Былевского в 40-е гг. XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варварцев, М. М.* Джузеппе Мадзіні, мадзінізм і Україна: монографія / М. М. Варварцев. Київ : Унів. вид_ва ПУЛКАРИ, 2005. 304 с.
2. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей: в 3 т. / Подбор и ред. текстов, вступит. статьи и прим. И. С. Миллера и И. С. Назаренко. Т. 2. М. : Соцэкгиз, 1956. 884 с.
3. Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе (далее — ЛГИА). Ф. 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 2. — Следственные протоколы по делам Яна Билевского, Адама Гайковича, Яна Еленского, Кочановского, Станислава Козакевича, Эммануэля Любовицкого, А. Пипера, Казимира Рапчинского, Яна Высоцкого. Дело Ф. Александрович (урожд. Коперницкой). Переписка о разных лицах, состоящих под следствием. 454 л.
4. ЛГИА. Ф. 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 5. — Показания Ежи Брынка, Томаша Булгака, Яна Билевского, Петра Грабовского, Александра Гутовского, Яна Еленского, Наполеона Еленского, Шимона Конарского, Седарда Кончи, Станислава Козакевича, Людвика Орды, Игнатия Родзевича, Эдварда Ромера, Северина Ромера, Яна Рудзевского, Казимира Шалевича, Адама Сузина, Яна Высоцкого, Генриха Зеленки. 362 л.
5. ЛГИА. Ф. 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 19. — Следственные дела членов Мозырского тайного демократического общества: Яна Билевского, Петра Грабовского, Александра Гутовского, Яна Еленского, Наполеона Еленского, Яна Рудзиевского, Генриха Зеленки. 99 л.
6. ЛГИА. Ф. 1269 (Следственные комиссии о тайных обществах, г. Вильно). Оп. 1. Д. 24. — Список лиц, осужденных по делу Ш. Конарского, и других политзаключенных, обвиняемых в принадлежности к тайным обществам. 46 л.
7. *Мошковский, К.* Рукопись в тюрьме / К. Мошковский // Русский архив, 1909. Кн. 1. № 4. С. 483—534.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе: в 55 т. СПб. : Тип. II отд. Собств. Его Имп. Вел. Канцел. Т. 14. 1843.
9. *Смирнов, А. Ф.* Революционные кружки и организации в Белоруссии и Литве в 30-х гг. XIX в. / А. Ф. Смирнов // Исторические записки. М., 1961. Т. 69. С. 197—221.
10. *Łepkowski, T.* Narod bez państwa / T. Łepkowski // Polska — losy państwa i narodu / Pod red. Samsonowicz H., Tarbir J., Łepkowski T. Warszawa : Iskry, 1992. S. 277—325.
11. *Kronika Syberyjska / Wspomnienia Narodowe przez eu ... go Helleniusza.* Paryz, 1861. S. 365—407.
12. *Wspomnienia z nad Wilii i Niemana. Studya — Podroze. Przez Edwarda Pawłowicza.* Lwow, 1883. 312 s.

